

Надежда Нелидова Женщина нелёгкой судьбы, лёгкого поведения

Дорогие москвичи и гости столицы!

«Мужчина — аксессуар, игрушка в руках женщины».

«После того, как вы начнете заботиться о себе, вокруг появятся люди, которые позаботятся о вас. Прежде всего, мы живем для себя, а потом уже для окружающих».

— Нет, что они говорят, в этом твоём модном суде?! — в ужасе ломала руки Фомина — в обиходе Фома. — Это же попрание христианской морали: возлюби ближнего, как самого себя. Торжество плоти над духом... Наряжать и тешить оболочку... Смотришь подобные передачи — и веришь в скорый конец света.

— И трубы ангелов апокалипсиса возвестят... Та-рам-пам-пам! Истинно говорю вам: 4 мая сего года Земля налетит на небесную ось! — загробным голосом подхватила я.

— Не шути над этим, — скорбно попросила Фома. — А в школе, помнишь, октябрятами? Сам

погибай, а товарища выручай. А Высоцкий: а когда ты упал со скал, он стонал, но держал?

...Смотреть телешоу одной, не в женской компании — это извращение. Это даже подозрительно, как если бы мужчина пил пиво и смотрел футбол в одиночестве. Никакого кайфа. Я всегда приглашаю на передачу «Модный суд» — Фому, соседку по лестничной площадке. Комментировать, хихикать, возмущаться, спорить, в который раз поражаясь отсталости, косности и узости Фомы.

Фома — это Плюшкин в юбке. Когда у неё заканчивается губная помада, она спичкой выколупывает из стаканчика то, что осталось, пока не заблестит доньшко. С гордостью сообщает:

— Ещё на целый месяц хватило!

Или, выжав из тюбика остатки крема, не выбрасывает его — как можно?! Она разрезает туб пополам и пальцем добывает-выщарапывает размазанные по стенкам кремовые остатки. И искренно тарашит глаза:

— Там ещё на две недели было!

Я считаю «Модный суд» подружкой, доктором, советчицей и психологом для женщин. Как-то им удаётся преобразить женщину, не сломав её. И эти гипнотически завораживающие словечки: кюлоты, лабутены, сникерсы, стиль кэжуал...

Фома считает «Модный суд» тайным орденом, заговором по превращению женщин — в пустышек, голов — в головки. Но в красивом теле далеко не всегда красивый дух. Что-то одно всегда в ущерб другому. Выбирая между походом в библиотеку и шопингом — женщины делают выбор в пользу последнего. Режущая слух передача, где космонавт говорит: «ездию», а певицы: «туфлях», «тортах»... Вот он, уровень таких шоу...

— Крайне вредная передача. Заточивание женщин на потребительское поведение, — уверена Фома. — Стереотип: женщина — кукла, мужчина — безмозглое существо, кошелёк на двух ножках.

Как раз в эту минуту модная прокурорша выдаёт очередную гениальную цитату, которая завтра загуляет на просторах страны:

— Превжняя Красная Шапочка — кисейная барышня, позволила себя съест Серому Волку. А современная Красная Шапочка сделала из Серого Волка горжетку. В нынешнем сезоне серое очень идёт к красному. Так должна поступать настоящая женщина.

— О да, — ужасается Фома, — настоящей женщине нельзя вынести мусор в халате и с некрашенными губами — ведь у мусорного контейнера её может ждать Судьба. Дурочки тщательно наносят макияж, одеваются в строгой

цветовой гамме. Согласно дизайну, перекидывают шарфик ниже ключиц — и ни миллиметром больше. Цепляют на руку ведро с мусором, как сумочку от Луи Виттон — и пошли походкой от бедра... Кошмар!!»

Отчасти я понимаю Фому. С её-то внешностью... С торчащими ушами, на которые она тщетно начёсывает жидкие прядки. Ушные раковины пробиваются сквозь волосы и победно пламенеют флажками.

Это уж ниже пасть некуда: когда мужчина для завоевания другой Женщины использует тебя как почтового голубя, как собачку с письмом в зубах... Мужчина — это Геннадий, Женщина — это я. А сообщающее звено, голубь и собачка — Фома.

Это она притащила мне газету с объявлениями о знакомстве: «Соня, прямо твой кандидат!». И стала нашей наперсницей. Сочиняла за меня письма — у неё хорошо получается, она библиотекарь. Таскала от него посылки с почты. Потом, когда он уже переехал и устроился в охрану, и бывал на смене, носила от него в клювике знаки внимания: открытки, тортики, цветы. Давала ключи от своей квартиры для свиданий (я ещё со своим не развелась, держала про запас).

В самый первый раз мы свиделись с Геннадием на Ярославском. Он дослуживал свой майорский срок в глуши, три тысячи километров

восточнее Москвы. Я жила на 400 километров южнее. Оптимальное место для встречи — Москва.

Как сейчас помню гулко, дробными шариками рассыпающееся в вокзальных сводах эхо: «Дорогие москвичи и гости столицы!» И мне идёт навстречу... Боже, таких мужчин не бывает! Грузноватый, седой, бравый — а лицо смущённое, как у мальчишки. Плюс (держу в уме) на носу майорская пенсия.

Геннадий оказался стеснительным, прочно окопавшимся и хорошо сохранившимся в захолустье военного городка холостяком. Находят же до сих пор мамонтов в вечной мерзлоте. Хотя археологов в юбках шуршит больше, чем мамонтов — но повезло мне.

А пока — то Геннадий летал ко мне во фруктовый рай. То я к нему в скудные плешивые тундровые пейзажи.

Женское поведение — это как запах самки для самца в животном мире. Первое: женщина должна быть уверенной в себе на все сто. Мужики — это же слабый пол. Сла-а-абенький, жалкенький, но пыжащийся доказать обратное. Женская уверенность сразу выбивает почву из-под ног противника, вносит сумятицу в его ряды. Оружие побросано, враг бежит, обнажая тылы и сдаваясь на милость победителя. Бери голыми руками.

Вот Фома говорит про книги. А знать надо, дорогуша, какие книжки читать и какие строчки подчёркивать красным карандашом. Дамы, готовы?

«Заарканить мужчину легче, чем шевельнуть пальчиком. Всё очень просто. Когда хотите оплести мужчину, устраивайте так, что всякий раз, когда он бросит на вас взгляд, он видит, что вы смотрите на него. Вот и всё». Умница О. Генри подметил принадлежность женщины к Древнему Ордену Мышеловки.

И значит, всюду — в вокзальном ресторане, в такси, в гостиничном номере — Геннадий видел устремлённые на него, влюблённые, восторженные, умоляющие распахнутые с помощью туши «Лореаль», мои глаза. Впрочем, злоупотреблять этим приёмом долго нельзя. Вон, у кукол тоже широко распахнутые гляделки. В конце концов, хочется сказать, как Райкин: «Чего уставилась, дура?»

Поэтому, когда он уже на крючке — расслабляемся. Мило и застенчиво трепещем и опускаем ресницы, растерянно отводим взгляд, мило и застенчиво щуримся, будто нас слепит солнечный свет. Так и есть: мужчина для нас — солнце, светило, божество. Замечательный образец обольщения глазками — актриса Клэр Форлани.

О гостиничном номере я не оговорила. Потому что секс в женской стратегии и тактике — на втором месте. Тут нужно раскинуть карты боевых действий, хорошенько изучить силы и характеристики противника, подготовить оружие: тяжёлое или мелкокалиберное.

Условно разделяем мужчин на два вида: «альфонс» и «простачок». С первыми играем в недотрогу: «Я не такая, что вы позволяете, только после свадьбы!» Со вторыми: «Я вся горю, я жду тебя, о мой нефритовый гигант, я львица и готова тебя разорвать! Р-р-р!»

Геннадий был ближе ко вторым. Господи, встречаются же в гарнизонных захолустьях такие самородки! Воображаю, каким коротеньким хлётким — как шлепок грязи, как брезгливое смачное «блямс!» — словом меня сейчас заклеямили женщины. Пари, что эти женщины одиноки.

Геннадию как военному пенсионеру выделили квартиру в нашем тихом зелёном городке — мечте отставного военного.

Остался последний штришок. Предложение руки и сердца, марш Мендельсона, свадьба в местном ресторане «Плём», где отмечаются все бракосочетания. Нужно ковать железо пока горячо. В противном случае мужчина начинает задавать

себе закономерный вопрос: если и так всё хорошо, зачем жениться? Страсть не может гореть вечно — если не поддерживать её ровное тление в чугунной жаровне паспортного штампа — затухнет.

— Взгляни на модного судью! — пугается Фома. — Эталон безвкусицы! Розовые шаровары в горошек. Золотые янычарские туфли. Зелёный лакейский узенький пиджак. На рукаве нацеплены фенечки, как у семиклассницы. На лацкане усыпанное камнями блюдце: то ли орден, то ли брошь? Шарф намотан такой толщины, будто у бедняги фарингит в острой форме... Выйди он на улицу — за ним же дети будут бежать!

Я объясняю Фоме, что это такая униформа. Как у доктора белый халат, у военного — камуфляж, у дорожного рабочего — оранжевый жилет. Ну, куда это годится: представь, сядет он на свой судейский трон в костюме офисного клерка.

Фома давит интеллектом:

— Что они вытворяют с женщинами? Ты читала «Виринею»? Как она входит во двор в линиялых обносках — сановита, величава... — Она на память зачитывает нараспев, как со сцены: *«Измельчал народ. Красивость женская стала мелка и лукава. От одежды, от старанья зависит»*. Вот чем твой модный суд и занимается: мельчит и лукавит женскую красоту разными

ухищрениями, прибабасиками...

В чём-то Фома права. Я ясно вижу трёх китов, на которых зиждется якобы чудесное преобразование подсудимых. Первое: улыбка-походка-осанка. Второе: макияж-причёска. Третье: корректирующее бельё. А одежда дело десятое.

Но вообразите: проснётся наутро мужик рядом с партнёршей. А у той вместо летящей укладки — жиденский волосяной покров. Вместо вчерашней точёной упругой фигуры — складки на боках как у шарпея. «Господи, — скажет, — что за чуда в перьях рядом лежит?!» Штаны-рубашку в охапку — и дёру.

Но вот с недавних пор я заметила подложку модного суда, которая очень даже меня заинтересовала. Модный суд не только одевает участниц. А ещё и служит, как бы это выразиться, конкретным корыстным, мелкособственническим женским интересам. «Модный суд» превратился:

1. В клуб поиска женихов («Наш канал смотрит вся страна. Завтра за тобой очередь выстроится»).

2. В место примирения балансирующих на грани развода мужа и жены («Да мы тебя оденем как конфетку, с руками оторвут. А этот козёл рядом с тобой на фиг никому не нужен»).

3. А также в место, где затянувшийся гражданский брак плавно перерастает в

официальный. Наваливаются втроём: худенькая строгая модная прокурорша, корпулентная громкоголосая адвокатша, судья со сладенькой улыбочкой. И долбят, и долбят несчастного, и обрабатывают, и срамят на всю страну — пока бедолага не сдастся. Неуклюже оскальзываясь на одно колено, протягивает мятый букет раздумавшейся от счастья даме. Пряча глаза, гугнит что-то о руке и сердце.

Вот этот последний пункт меня крепко заинтересовал. Гладкое золотое кольцо у меня уже куплено. Потому что лучше один раз самой разориться на простенькое обручальное колечко — а бриллиантовые он будет дарить всю оставшуюся жизнь. О, уже и из меня афоризмы полезли.

Я заполняю анкету на сайте и — ура! — нас приглашают! Лихорадочно сочиняю о себя легенду, непременно с фишечкой.

Свидетелем будет Фома. Обвинителем — ничего не подозревающий Геннадий. Для него я тоже сочиняю историю: якобы его раздражают мои яркие, короткие и обтягивающие платишки. И будто бы возбуждает не мой знойный пышный облик, а строгий стиль офисного крысёнка. Серый костюм, юбка по колено, очки, прилизанные волосы.

Набросала для него текст и велела выучить,

хотя он упирался.

Всё получилось, как я планировала. Труднее всего было уломать Фому. Геннадий-то давно хотел съездить в столицу, посетить театры, возложить цветы на могилу Высоцкого. А на кастинг, сказала я, так, на минутку забежим.

Загрузила его баулом с гардеробом. И снова Ярославский, снова на площади зазывалы в гнусавые рупоры надрываются у экскурсионных автобусов: «Дорогие москвичи и гости столицы!»

Это вам с дивана видится всё празднично, легко и весело. А не хотите 17-часовых марафонов по магазинам на отваливающих ногах — и — явно с подвохом — полное убожество выбора? А переодевания перед мужиками-операторами до трусов и лифчика? Если среди них есть геи — я их понимаю. Ежедневно видеть каждый день далеко не идеальные, дряблые целлюлитные или скелетированные части женских тел, съехавшихся со всех концов необъятной страны...

А когда тебя в гримёрке бесцеремонно и больно дёргают, поворачивают и вертят одновременно четыре пары рук, и лязгают ножницы, и тебя касаются губки, спонжи, щёточки — и над тобой свершается что-то ужасное... А ты даже не видишь ничего, потому вокруг зеркала, как

при покойнике, затянуты чёрной плёнкой. Даже хромированные ёмкости для жидкого мыла заклеены бумажным скотчем, представляете?!

Острые мелкие волоски, которые не сдули после стрижки, нестерпимо колют шею и грудь. И очень хочется горячего кофе и в туалет, а тебя просят потерпеть. Щеки свёкольно пылают, в ушах звон, во рту пустыня Сахара.

Окончательно затосковала, когда попросили «для контраста» на подиуме сутулиться и строить выражение лица, будто мне под нос повесилидохлого скунса — это когда демонстрировала свой выбор одежды.

А режиссёр возмутилась, что у меня чистые волосы — и напялила толстую вязаную шапку: чтобы волосы пропотели и засалились.

Всё по-другому, обманчиво с изнанки шоу. Голосование — пшик, результат берётся с потолка. Массовка тычет в коробочки-пульта для вида. В кулисах заносчивая, колючая, задирающая острый носик прокурорша-ботан оказалась милейшей, приветливой, общительной женщиной. А разбитная простецкая адвокатша, играющая роль «своей бабы в доску», — неприступной, угрюмоватой гордячкой, окружившей себя охраной. А судья и был такой, какой на экране: радушный хозяин-дядюшка с масляным голоском.

...Да, забыла сказать, что Геннадия не

утвердили на роль обвинителя («Вяловато, пресновато»). Его усадили в группу поддержки — а рядом с прокуроршей, копна копной, воссела ушастая Фома. В голове невидимки, волосы закручены в кукиш аптекарской резинкой. Наглядное ходячее пособие: можно вытащить Дуньку из колхоза, но колхоз из Дуньки — никогда.

Ну, она дорвалась: выдала им по первое число, обрушивалась, срывала покровы. Раскраснелась, неожиданно похорошела. В ответ возмущённые ведущие размазывали её по стенке. Я думала, эти кадры вырежут, но всё оставили, представляете?!

Наконец, настал и мой звёздный час. Я прохожу до заветной бумажной финишной полосы до зеркала — и отлегло от сердца. Ничего так, помолодела лет на двадцать. Вторые два выхода ещё лучше. И тут я с ужасом понимаю, что забыла передать Геннадию коробочку с кольцом, она в гримёрке!

Все взгляды и камеры поворачиваются на красного, как рак, Геннадия: по сценарию его очередь делать мне предложение. Он предсказуемо вытаскивает из-под сиденья букет кровавых, как мои губы, роз. Несёт, как все мужики, книзу бутонами: будто веник в баню. А в другой руке у него — раскрытая бархатная коробочка! Сам купил, молодец!

Молодцевато, по-военному вспрыгивает на подиум и... идёт мимо меня к Фоме!! Протягивает розы, кольцо и просит руки и сердца. Немая сцена. У Фомы челюсть отвисла, она её рукой подхватила, клацнула — и вернула на место.

— Вот это финт ушами! Такого поворота событий у нас в студии ещё не было, — ахает адвокатша.

Модный судья довольно потирает коротенькие ручки. Прокурорша поглядывает поверх модных очков и что-то стремительно строчит в своём блокнотике. И, перекрикивая шум в зале, приглашает Фому стать участницей следующего модного суда!

Вражеская конница развернулась и понеслась, топча, таща и рвя копытами мои знамёна. Палатка смята и опрокинута, мои военные карты разлетаются в воздухе. Главный военный советник вероломно перебежал на сторону противника. Измена!

Я уезжаю, увозя выбор стилистов почти на сто тысяч рублей. Фома и Геннадий остались возложить цветы Высоцкому. Ещё они купили билет на премьеру молодого режиссёра, которая называется — нипочём не угадаете! «Дорогие москвичи и гости столицы!». Звали меня, но я отказалась. С меня и в жизни хватит этих шоу.

Одно слово: разводилово и лохотрон.

г. Глазов, Удмуртия

Выйти замуж за Никона

Вичка уже знает, кто будет её мужем. Она выйдет замуж за Никона. Это который по телевизору говорит: «Я Никон. Я ценю каждое мгновение твоей жизни... Я всегда рад, что бы ты ни делала... Я Никон». Голос за экраном волшебный и мягкий — и нет сомнения, что невидимый Никон столь же прекрасен.

Вичка слёзно умолила записать Никона на старый бабушкин диктофон. Теперь каждый вечер перед сном включает: «Я Никон... Я очень счастлив с тобой...». Или когда её ставят в угол, она прижимает к уху тяжёленькую чёрную коробку с кассетой. Коробка сухо и звонко шуршит, будто в ней возятся жуки. «Я всегда рад, что бы ты ни делала... Я Никон...» — пробивается сквозь шорох чудесный голос.

Баба Дора, отрываясь от толстой книги и пыхая папиросой, прислушивается и подтверждает:

— Да, голос мужественный и сексапильный.

Вичка за Никоном побежала бы «в чём была, голая, в тапочках и в бигуди». Это баба Дора так

говорит про своего любимого Николаса Кейджа.

Вообще-то баба Дора не бабушка Вичке, а прабабушка. Но она совсем не похожа на старух у подъезда, осевших как пыльные мешки с картошкой. Баба Дора худая, спортивная, ходит в брюках, коротко стриётся и курит папиросы в мутном жёлтом мундштуке. Она говорит, что это янтарь, и он пролежал в океане миллион лет.

Мама Юля родила Вичку в шестнадцать лет. А Жужа маму Юлю — в семнадцать. Жужа — это бабушка Сусанна. Но она категорически запретила Вичке называть её бабушкой и даже била за это по губам.

Когда Жужа с мамой Юлей идут по улице, их называют сёстрами. Жужа прямо вся краснеет от удовольствия. А маме Юле всё равно, она рассеянно улыбается. Она прекрасна, равнодушна и холодна. Махонькая ростиком (Вичка её скоро догонит), как Золушка, и бледна, как Спящая Царевна из сказки Пушкина:

*В той норе, во тьме печальной,
Гроб качается хрустальный
На цепях между столбов...*

И она не проснулась до конца, потому что её поцеловал не настоящий Принц. Вичка видела на прозрачном мамином личике чёрные синяки. Разве

Принцы колотят своих возлюбленных?

«Чем такое чмо, лучше вообще никакого», — в этом вопросе баба Дора и Шуша полностью солидарны. В остальном они всегда ругаются. Кричат так, что можно услышать на другом конце города — хотя разговаривают по телефону или сидят на кухне в метре друг от друга.

Потом баба Дора хватается за сердце и выжимает из коробочки маленькие белые таблетки. А Жужа сразу начинает вставать на голову или сворачиваться на полу, как зародыш. Это позы йоги со смешными названиями: шавасана, например, или баласана, или врикшасана. Рикша, который врёт?

Например, бабушки спорят, у кого на этой неделе будет жить Вичка. У бабы Доры на кафедре фуршет, и она потом трое суток будет лежать с мокрым полотенцем на голове. А Жужа уезжает с концертной бригадой в гастроль по области. А в другой раз наоборот: обе свободны и вдруг страстно воспылают любовью к Вичке. Тянут и рвут её — так что ей больно — обвиняя друг друга в неправильном педагогическом воспитании.

Вичка пугается, что её разорвут пополам, как младенца на суде царя Соломона, и кричит: «Мама!»

— Зови, зови свою маму. Нужна ты ей, как собаке «здрасьте». Ей мужики трахаться нужны, а не ты, — говорит, тяжело дыша и оправляя волосы

после потасовки, Жужа.

— Ты плохая! — кричит Вичка. — Тебя никто не любит, поэтому ты одна!

Она знает от бабы Доры, что Жужа тайно ходит к городской ведунье. Снимает венец безбрачия со всех троих и уже «просадила уйму денег. Лучше бы колготки ребёнку купила».

У них, и правда, бабье царство. И у мамы Юли муж ненастоящий, «не расписанный». Он бизнесмен, носится «как в задницу наскипидаренный», по всей стране. Мама Юля покорно таскается за ним, как хвостик. «Никакой женской гордости, господи, кого мы вырастили!»

Вичке очень хочется, чтобы маму поцеловал настоящий Принц. Пожалуй, она даже готова дать ей Никона... А она, так и быть, выйдет замуж за Серёжу. Это мальчик в голубой панамке, с которым Вичка познакомилась сквозь забор. Детский сад находится в том же сквере, где гуляют Вичка с бабой Дорой.

На общем семейном собрании решено было Вичку в садик не отдавать, потому что там «рассадник». И когда гости удивляются, какой Вичка развитый ребёнок по сравнению со сверстниками, баба Дора и Шуша краснеют от удовольствия. Каждая приписывает лавры себе.

Обе чуть с ума не сошли, когда Вичка сочинила стишок: